

Михаил Антонов

ПРАВДА ОБ УКРАИНЦАХ И УКРАИНЕ

а то, что пишут о них ныне, -
поверхностные суждения,
измышления или ложь

Михаил Антонов

Правда об украинцах и Украине

2015

УДК 82-311.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Антонов М. Ф.

Правда об украинцах и Украине / М. Ф. Антонов — 2015

Эта книга, как сказано в названии, – об украинцах и Украине, но в ещё большей степени – о русских людях и о России, об их прошлом, настоящем и будущем. А главное – о неразумии русских, из чувства присущей им изначально доброжелательности и в силу традиции считающих украинцев братским народом. Это изначальная наша ошибка. Русские и украинцы – два совершенно разных народа и во многом народы-антиподы. Они сформировались в разное время, при разных исторических обстоятельствах и в разных частях государства германских завоевателей, названного Русью по имени этого племени завоевателей, возглавляемого Рюриком (Рёрихом, Хрондриком, как его называли в западноевропейских хрониках). Всё это написано чёрным по белому ещё в «Повести временных лет». Но интерес господствующего класса и очки, неизвестно кем надетые на нас, мешают увидеть совершенно ясные вещи вот уже более 800 лет. А ведь идея о триедином русском народе, включающем великороссов, малороссов и белорусов возникла всего каких-нибудь 350 лет назад, и подброшена она была русскому царю и русской элите украинцами в их корыстных интересах. Но она вошла в первые учебники истории России, также написанные украинцами, и благодаря их культурной гегемонии при первых царях династии Романовых утвердилась как догма, некритически принятая всеми ведущими русскими историками, и господствует в умах россиян по сей день. Политика России в отношении Украины всегда была ошибочной, основанной на ложной догме, и неизменно бывала провальной, что преждевременно унесло жизни миллионов русских людей. Россия прирезала к крохотной изначально Украине огромные территории русских земель. Это надуло пузырь «Великой Украины» как самостоятельного государства, претендующего на исключительную роль в мировой политике. И лишь бешеная антироссийская истерия, бушующая ныне на Украине, раскрыла многим русским людям глаза на извечно

копившуюся ненависть украинцев к России. Пора нам взглянуть на украинцев без розовых очков. Хотелось бы, чтобы данная книга сыграла в этом важнейшем деле свою роль. При этом лично я люблю Украину, несмотря на её ненависть к России, ибо украинский народ обладает немалыми достоинствами. Просто ему пока не повезло в истории, и он сложился вероломным, недоговороспособным, лишённым инстинкта государственности. Он так и остался народом хозяйственным, с мечтой о «садочке», тогда как русский народ стал народом политическим, с космическим мировоззрением. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 82-311.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Антонов М. Ф., 2015

Содержание

Глава 1. Русские и украинцы – разные народы	7
Глава 2. Германское государство Русь	14
Кто такие варяги?	14
Особенности завоевания Руси германцами	18
Глава 3. Возникновение русского народа	25
Первые шаги русской государственности	28
Русь Северо-Восточная – антипод Руси Южной	32
Так сколько же лет российской государственности?	35
Глава 4. Зарождение украинской нации	36
Казачи Бульбы и казаки Сагайдачного	37
За какую Русь и за какую веру боролись и умирали казаки	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Антонов

Правда об украинцах и Украине

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Михаил Антонов, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

Глава 1. Русские и украинцы – разные народы

За последние 30 с небольшим лет мне довелось написать десятки статей об Украине и российско-украинских отношениях, и я с первых же строк изумлялся невежеству большинства русских читателей – от мала до велика и «снизу» «доверху» – в том, что касается самой, казалось бы, близкой нам страны и вновь возникающей на наших глазах украинкой этнически-политической нации. Оно и понятно: я опровергаю ту историческую науку, которая складывалась веками. Менялся государственный строй России, в исторической науке возникали разные школы, порой вступавшие в ожесточённую полемику друг с другом, но картина истории России и Украины в целом оставалась неизменной и неизменно ошибочной. Статьи мои большого отзвука у читателей не находили, тиражи их были весьма скромными, в большие СМИ и на телевидение меня не приглашали. В Интернете иногда появлялись сочувственные отклики, больше было ругани, обычно безосновательной, но никто ни моей новой концепции истории, ни приводимых мною фактов не опроверг, и всё же я остаюсь практически в полнейшем идейном одиночестве. Но, сколько бы мы ни прятались, ни уходили от обсуждения острейшей проблемы наших дней, решать её придётся, основываясь на реальности, а не на наших измышлениях. Поэтому мне надо всё-таки представить суть всего ранее написанного в виде единого связного текста. Поэтому я предлагаю читателям этот текст в надежде, что он поможет найти правильный путь в решении российско-украинского конфликта.

С самого начала надо ответить на главный вопрос: почему на Украине всё пошло не так, как нам бы хотелось?

Вовсе не потому, что, как нам объясняют, Россия (в отличие от США) мало заботилась о создании там организаций и деятелей, нам дружественных, и не потому, что мы проглядели возрождение там неонацистов в лице бандеровцев... Нет, политика России в отношении Украины была изначально обречённой на провал, потому что россияне в массе своей, не исключая и разведку, и правящие «верхи», как это ни странно, до 2014 года не имели представления о реальной, а не выдуманной Украине. Почему так получилось – сейчас уже поздно разбирать, хотя одна из причин совершенно очевидная: это слепота, доставшаяся нам от советского времени, когда о неприятных явлениях в братских союзных республиках в Москве было принято умалчивать ради незыблемости господствующей идеологии «дружбы народов» и даже единого советского народа как новой исторической общности людей.

Если выделить главную ошибку России, то она в том, что её политика в украинском вопросе не учитывала фактор первостепенной важности: русские и украинцы – разные народы, как это ни печально сознавать русским «патриотам» в России. Они жаждут союза трёх братских славянских государств – самой России, Белоруссии и Украины. Они отказывают Украине в праве считаться независимым государством, а украинцам – самостоятельной нацией, объявляя их лишь одной из ветвей (наряду с белорусами и великороссами) триединого русского народа, что для подавляющего большинства украинцев крайне оскорбительно и лишь добавляет горячего материала во всё более разгорающийся костёр вражды их к России. Идея эта о триедином русском народе появилась (как и почему – об этом будет сказано дальше), по меркам истории, совсем недавно, около 350 лет назад, и до того момента ни великороссам (жителям Московского государства), ни тем более, скажем, запорожским казакам такая мысль не могла бы прийти в голову, настолько абсурдной показалась бы она и тем, и другим. Это – одно из глубочайших заблуждений не только патриотической общности, но и значительной части правящих кругов России, которое уже привело к многочисленным провалам российской политики, а может натворить ещё много бед.

Не только для рядовых россиян, но, полагаю, и для высшего руководства РФ стали полной неожиданностью яркий всплеск антироссийских настроений на Украине, в том числе и среди значительной части русского населения этой страны, единодушные большинства народа, вставшего на защиту её независимости и территориальной целостности, ненависть, доходящая до фанатизма, украинских силовиков, готовых истреблять «сепаратистов» Донбасса, женщин, детей и стариков, и защитников мирных жителей Донбасса – российских ополченцев, да и вообще русских, где только представится такая возможность.

Президент Украины Пётр Порошенко (Вальцман) гордится единственным реальным достижением своей страны – тем, что она «даёт России по зубам». (Все цитаты набраны в этой книге курсивом.) Бывший президент Украины Леонид Кравчук призывает отстреливать русских «до последнего патрона». Украинские вояки грозят пойти на Россию войной, даже покорить её и устроить парад победы в Москве. И уж как минимум не только вернуть Украине Крым и Донбасс, но и присоединить Кубань и другие российские области. И если к таким угрозам можно отнестись как к проявлениям неадекватности, то уж угрозу совершать на нашей территории теракты и всякое иное вредительство (в том числе и с привлечением беженцев, нашедших убежище и защиту в РФ во время войны в Донбассе) надо принимать всерьёз.

Такие настроения у целого народа не возникают внезапно, вдруг, они копились веками и лишь в наше время появился повод для их открытого проявления. Точно так же они и не исчезают мгновенно, даже под давлением убедительнейших доказательств, будут сохраняться в той или иной мере годами и десятилетиями и при самом благоприятном разрешении нынешнего российско-украинского конфликта. И нам с такой недружественной страной и таким небратским отношением к нам её населения придётся сосуществовать долго. Сколько сюрпризов в этом смысле Украина уже преподнесла России, но она готовит всё новые и новые, один неприятнее и коварнее другого. И осознание этой реальности, никак не укладывающейся в рамки представлений о двух ветвях единого русского народа, приходит к россиянам с большим опозданием. Да и как приходит, – на основе поверхностных суждений, основанных на осмыслении лишь последних событий, без попыток проследить их исторические корни. Вот несколько коротких примеров такой неосновательности.

Так, признанный мэтр журналистики Олег Попцов опубликовал статью «Запоздавшее прозрение. России придётся за него заплатить» («Московский комсомолец», 28.06.2014), в которой призвал соотечественников понять: *«Мы не должны заблуждаться. Антироссийские настроения на Украине превышают пророссийские»* (надо было бы только добавить: «во много раз»). *Он признаёт, что у многих жителей Крыма радость по поводу воссоединения с Родиной сменилась разочарованием, в частности, в связи с тем, что рост цен сильно обгоняет прирост зарплаты. Они говорят: «Нам обещали рай, а мы попали в ад». И потому, возможно, «спустя два, три года в Крыму вдруг возникнет движение «Назад в Украину».*

Мэтр прав во всём, кроме оценки обстановки в Крыму. Да, элемент разочарования там есть, люди всегда хотят полного счастья или хотя бы всестороннего удовлетворения, но так обычно не бывает. И всё же назад в Украину крымчане никогда не пожелают: видя, что происходит ныне в Донбассе и что вполне могло бы повториться и у них, они лишь благодарят Господа за то, что вовремя причадили в российской гавани. Хотя и насаждение в Крыму российских олигархических порядков их далеко не радует.

Ещё более определённо стали высказываться лидеры русских националистических движений. Культуролог Александр Севастьянов в статье, названной «Бандеризованные» («Литературная газета», № 24, 2014), констатирует: Ныне на Украине создаётся политическая украинская нация, и формирование новой украинской идентичности произошло на основе галицийской. А она полностью выстроена не только на отрицании общерусского корня у русских и украинцев, но и на фронтальном и тотальном противопоставлении рус-

ских и украинцев... Умильные иллюзии по поводу русско-украинской дружбы на наших глазах исчезают. Надо глядеть правде в глаза: это большая часть нынешнего украинского народа. Всех возрастов и категорий. И народ этот глубоко ненавидит русских и Россию. Эта ненависть иррациональна и неизлечима. Поражённую гангреной конечность не лечат, её ампутируют, чтобы спасти весь организм. Но А. Севастьянов не говорит, кто займётся этой ампутацией и скольких несчастных придётся ей подвергать.

Либерального журналиста Александра Минкина поражает накал ненависти, *«которого не было со времён Великой Отечественной войны. Тогда – к немцам. Теперь – к украинцам. Кто-то в России с ненавистью относится к западным украинцам, кто-то – к восточным. А на Украине ненависти ещё больше, жгут (сторонников России) заживо. Кроме ненависти, которая довела их до Гражданской войны, кроме ненависти друг к другу, у них есть ещё ненависть к России, к москалям»*. («Московский комсомолец», 11.07.2014). Ну, и до братства ли тут?

Примечательно и то, что недавний юбилей Переяславской Рады прошёл у нас почти незамеченным, и серьёзные политики и политологи стараются о ней вовсе не вспоминать. Но, кажется, венцом прозрения российских публицистов стала колонка Олега Попцова «Настоящая ненависть как основа будущего» в «Литературной газете» (№ 30, 2014). Вот наиболее характерные её фрагменты:

«Нарастающая с бешеной силой враждебность Украины к России, когда ненависть к русским становится смысловым кодом украинской власти, делает политику добрососедства бессмысленной, как и речитативы высоковластных российских политиков о братском народе. Случилось так, что на той стороне границы протяжённостью в две тысячи километров находится территория не другого государства, а государства вражеского, ненавидящего Россию. А значит, и доктрина отношения с этим государством должна быть иной... украинская армия нацелена на полное уничтожение повстанцев. Операции, проводимые украинской армией, идут под девизом «подавить, уничтожить, выжечь дотла». Один в один девиз вермахта. Вот какого соседа мы обрели.

Порошенко... почти одномоментно превратил Украину в колонию Америки... Опекаемый НАТО и президентом Обамой, он побуждает Украину к войне. С кем? С Россией. За Крым. Боюсь, это неотвратимая реальность.

Фашизация режима стала очевидным фактом современной Украины... Порошенко спешит, он должен высвободить армейские силы для наступления на Крым...

Одно очевидно – дружественных и взаимовыгодных отношений с Украиной нам придётся ждать очень долго. Да и вряд ли они возродятся когда-либо.

А разговоры с нынешними украинцами о породнённых народах и братстве в нынешних обстоятельствах просто нелепы. (Выделено мной. – М.А.) *Предателей никогда не убедить».*

Ну, насчёт предателей тут можно поспорить. Нынешние украинцы (большинство) кажутся предателями лишь тем, кто до вчерашнего дня считал их нашими братьями. А те, кто знает историю России и Украины, прекрасно понимали, что украинцы нашими братьями никогда не были. Нынешняя их позиция – это не предательство, а успех национально-освободительной революции, осуществление (пусть и в убогом и фантастическом виде) вековой мечты о независимой Украине и в первую очередь об отделении от России, которая не признавала существование самобытной украинской нации, упрямо называя украинцев лишь одной из ветвей триединого русского народа.

Выскажу своё мнение о приведённых примерах прозрения некоторых российских деятелей. Общее впечатление такое, будто они заснули в СССР, проспали 25 лет после его краха, и вдруг проснулись, поражённые ненавистью к России, охватившей большинство украинцев. Почему эти деятели спали (хотя и активно участвовали при этом в политике, а некоторые

занимали высокие должности в российской власти) и проспали зарождение столь неприятно поразившего их явления – фанатической ненависти украинцев к России?

Дело в том, что ненависть Киева к великороссам возникла не в 1991 году, и даже не тогда, когда Австро-Венгрия, которой несколько веков принадлежали земли Западной Украины (старинный русский, то есть входивший в состав Киевской Руси, город Львов до 1939 года назывался Лемберг), стали насаждать у галичан чуждую русским религию и воспитывать их в антироссийском духе. Эта ненависть Киева к только ещё зарождавшейся великорусской нации проявилась сразу же, на рубеже XI–XII веков, как только это новое образование обозначилось. Так что этому чувству по меньшей мере 800 лет, и оно приводило к кровопролитным и разрушительным войнам, пока, наконец, создальцы (великороссы того времени) не взяли Киев штурмом, фактически положив конец Киевской Руси, и она после этого влачила жалкое существование, которое прекратило ордынское нашествие. После этого Киевская Русь более не воскресала, а её земли отошли к другим государствам. О том, как это происходило и какова была судьба украинской нации, будет рассказано ниже.

Но как же получилось, что по вопросу об Украине, её прошлом, настоящем и будущем, я в корне расхожусь с представлениями, господствующими и в общественном мнении, и в правящих кругах России? Со всеми, кто утверждает о якобы братской нам Украине. Разумеется, я тоже хотел бы, чтобы она была братской нам страной. Но это невозможно по многим причинам, о которых речь пойдёт ниже. Думается, российские официальные лица, даже если бы и были одного со мной мнения, всё же по дипломатическим и иным государственным соображениям его бы публично не высказывали, а говорили бы о дружбе и братстве. Я же не связан ни с какими властными структурами, и потому могу говорить открыто то, что думаю. Ведь нужно же хотя бы одному человеку громко и по-детски сказать: «А король-то голый!», если так и обстоит дело в действительности. Что я и делаю, в одиночку, уже более тридцати лет, сознавая, что это не придаёт мне популярности в русских патриотических кругах, особенно сегодня, когда к Украине приковано всеобщее внимание и в России, и за её пределами. И хотя приведённые выше примеры того, что, кажется, некоторое просветление умов под давлением обстоятельств начинается, если не в «верхах», то около них, они же говорят и о том, на каком низком уровне это прозрение происходит!

То, что наши политологи, культурологи и идеологи только начинают понимать, я предсказывал много лет назад. И я не только утверждал, что братской по отношению к России Украины никогда не было, нет и то, что, по крайней мере, в предстоящие 50 лет (то есть, на протяжении жизни двух нынешних поколений), не будет. Какие-то её области (а тем более – отдельные жители) могут ощущать своё родство с Россией. Есть на Украине и здравомыслящие люди, есть и горячие сторонники дружбы с Россией, но их немного, они разрозненны, не организованы, и не они определяют политику страны (и чем дальше, тем больше вынуждены скрывать свои мысли и чувства, чтобы не оказаться обвиняемыми в предательстве национальных интересов Украины).

У высших руководителей государства может быть взгляд на проблемы, отличный от представлений населения. Даже если допустить, что президент РФ был бы согласен со мной на 100 процентов, он вынужден был говорить о братском нам украинском народе. РФ ныне ведёт глобальную и опасную геополитическую игру, в задачи и ход которой мы не посвящены и в которой Украина – лишь одно из полей битвы, и притом не самое главное. Возможно, этим объясняется, что Владимир Путин уже в конце сентября 2015 года, когда «протрезвевшие» публицисты уже высказались о необходимости пересмотреть наши устаревшие представления об Украине, говорил в интервью американскому журналисту: *«Украина – самая близкая к России страна. Мы всё время говорили, что Украина – братская страна, так и есть. Это не просто славянский народ, это самый близкий к русским народ: язык очень похож, культура, общая история, общая религия и так далее»*. Суждение не совсем

точное: в действительности и Россия, и Украина – многонациональные и многоконфессиональные страны. На Украине существуют две православные церкви, враждующие друг с другом, а есть ещё униатство, не приемлющее ни ту, ни другую, есть и иудаизм, и протестантизм в сотнях его разновидностей, и ислам, и разные секты, и атеизм. Это мы лишь по старой привычке говорим, что мы – две православные страны. Но и близость языков – не повод для единства. Ведь у сербов и хорватов не просто близкие языки, а единый сербско-хорватский язык, однако это не помешало им схлестнуться в кровавой схватке. Правда, у них разные религии. Но сколько мы знаем примеров жестоких войн и между народами, исповедующими одну религию!

Даже наш президент, будь он хоть воплощением гениальности, думаю, вряд ли ожидал, что Украина, все годы своей «нэзалэжности» так и не нашедшая смысл своего исторического существования, обрела его в том, чтобы противостоять России и вредить ей всегда, везде, во всём, по любому поводу, в полном объёме и «до дней последних донца!».

У меня есть основания полагать, что В. Путин, независимо от того, как он воспринимал ситуацию на Украине в начале конфликта, сейчас во многом согласен со мною. Недавно у одного из блогеров ((у А.А. Михайлова) я прочитал высказывание нашего президента, ранее мне неизвестное: «Война на Украине закончится тогда, когда украинские матери будут сильнее любить своих детей, чем ненавидеть русских». Значит, он знает: украинские матери (не «некоторые», не «отдельные», а в массе своей) ненавидят русских настолько, что готовы жертвовать своими детьми, прежде всего, сыновьями, которые идут в армию, идут воевать, чтобы уничтожить этих треклятых москалей. Но, очевидно, отцы этих детей вполне согласны со своими жёнами, в противном случае на Украине не осталось бы полноценных семей, они разделились бы по признаку пола, образовав два враждебных лагеря. Но это было бы противоестественно, и этого не происходит. Но и дети, солдаты, не вступают в непримиримый конфликт со своими родителями, потому что считают: война ради уничтожения москалей, посягнувших на независимость и территориальную целостность Родины – это их патриотический долг воинов, защитников Отечества. Но и молодые женщины, сёстры и невесты солдат, единодушны с ними, считают своих служащих в армии, особенно воюющих на фронте, братьев и женихов героями, гордятся их подвигами и полученными наградами. При этом выражение «украинские матери» означает не только матери-украинки, оно включает и русских женщин, гражданок Украины, их дети зачастую в ненависти к москалям превосходят своих коллег-украинцев. Значит, речь идёт о ненависти именно украинского народа (его большинства) к русским, что делает бессмысленными разговоры о двух братских ветвях единого русского народа. Правда, и здесь проявляется специфика украинского менталитета, унаследованная от запорожского казачества: в разных местах Украины порой возникают митинги женщин, не желающих, чтобы их детей призвали в армию и отправили на войну. Но эти женщины выступают не за прекращение войны и не за дружбу с Россией. Они лишь требуют, чтобы **их** детей оставили в покое, а на войну с ненавистными москалями пусть идут дети других матерей (например, соседок).

Ненависть современных украинцев к русским иррациональна, её нельзя объяснить разумными соображениями. Если искать параллели в литературе, то тут, пожалуй, подойдёт чувство Грушницкого к Печорину, как оно описано Лермонтовым в «Герое нашего времени». Печорин на дуэли вовсе не хотел убивать Грушницкого и предложил ему отказаться от своего лживого навета. На что Грушницкий, стоя на краю обрыва в пропасть и ожидая выстрела противника, ответил: он ненавидит Печорина так, что им вдвоём места на земле нет. И если Печорин его сейчас не убьёт, то Грушницкий подкараулит его ночью и зарежет. Тут уж, хотя бы ради самосохранения, Печорин вынужден был выстрелить.

А насчёт того, к каким чудовищным последствиям может привести представление о вражеском народе как о братском, свидетельствует один сам собой напрашивающийся поучительный пример из истории.

Рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер был примерно столь же уверен, что немцы и англичане – по сути «две ветви одного великого германского племени» и что великое дело господства нордической расы невозможно при сохранении разделения двух великих народов-колонизаторов. Находясь в плену этой умозрительной теории, он долго и настойчиво делал миролюбивые жесты в адрес «братьев англичан». Самый известный пример – Гитлер позволяет вдрызг разгромленной во Франции британской армии эвакуировать личный состав на острова. Да и воздушная война за Британию первоначально велась с целью не разгромить, а принудить упрямых англосаксов к принятию его предложений.

В истории оборона Британских островов осталась как пример стойкости их народов, оставшихся на некоторое время один на один со всей Европой в их почти безнадежной борьбе. Отдавая дань их мужеству, однако, предположим, что дело было не так однозначно. По крайней мере, дело Гесса, совершившего загадочный, поразивший всех перелёт в Великобританию, недаром хранится до сих пор за семью печатями. Есть подозрение, что англичане негласно как бы приняли предложения Гитлера – но только для того, чтобы при первой возможности его, что называется, кинуть. Недаром до конца своих дней, даже когда Красная Армия подходила к Берлину, фюрер продолжал считать главными врагами Рейха именно англичан. И так называемое «окончательное решение еврейского вопроса», проводившееся с 1942 года, можно считать формой косвенной мести английской элите, якобы находившейся под влиянием еврейских банкиров.

Но как бы там ни было, мы видим, к каким катастрофическим последствиям может привести фанатичное следование вроде бы логичным, но умозрительным концепциям. А ведь в среде современных российских геополитиков достаточно распространено мнение (во многом идущее от Бжезинского, тоже разделяющего устаревшие взгляды или намеренно пытавшегося внушить их лидерам России), будто Россия без Украины не сможет стать по-настоящему великой державой! И вот «патриоты» стараются: любой ценой, кнутом или пряником, но вернуть Украину в лоно России. К чему может привести такой не рассуждающий фанатизм – страшно и представить. А присоединить страну с враждебным нам населением – это не усиление собственного государства, а добровольный ввод в свой город троянского коня со всеми вытекающими из этого печальными последствиями.

Мы давно уже наблюдаем, как, несмотря на обоюдное желание русских и белорусов, не удаётся осуществить союз двух наших государств. Да, мы братские, но разные народы, братские, но самостоятельные страны. И среди белорусов мало найдётся тех, которые захотели бы стать жителями ещё одной российской области. И всякий нажим со стороны России (реальный или кажущийся белорусам) вызывает там растущие проявления национализма. Уже празднуют в этой братской нам стране годовщины битв, в которых белорусы в составе литовского войска громили русские полки, подчёркивают, какую значимую роль белорусы играли в Великом княжестве Литовском, где белорусский язык был государственным языком и пр. Ну, а объединение с Украиной принципиально невозможно, потому что большинство украинцев (а отнюдь не только «западенцев») сознательно или бессознательно относится к России с неприязнью, и на это есть глубокие исторически обусловленные причины.

Чтобы убедиться в правоте того, что я говорю, не надо добиваться допуска к секретным архивам, даже не требуется штудировать древние исторические источники, проводить самостоятельные исследования. Всё уже исследовано, опубликовано, по большей части есть в Интернете. Бери и осмысливай, делай выводы, которые, если их умышленно не фальсифицировать, оказываются однозначными. Но не зря говорится, что человек – единственное существо, способное видеть то, чего нет, и не замечать того, что не просто есть, но и настоя-

чиво требует: взгляни, вот какое я явление. Но люди упрямо проходят мимо того, что есть, и живут химерами, порождёнными их сознанием. Почти у каждого человека на носу какие-то незримые очки, через которые он по-своему видит мир. При этом на картину, которая рисуется сквозь эти очки, оказывают влияние догмы, укоренившиеся в течение веков и переданные нам предками. Освободиться от этого наваждения даже одному человеку непросто, а уж целым поколениям и народам – очень сложно. Однако необходимо, если мы хотим жить в ладах с реальностью, потому что жизнь в мире иллюзий непременно кончится крахом.

Итак, запомним: русские и украинцы – два совершенно разных народа, ибо они формировались в разное время, в разных регионах страны, с разными природно-климатическими условиями и при разных исторических обстоятельствах. Чтобы понять, как это могла случиться, надо начать анализ с тех времён, когда не было ещё ни русских, ни украинцев, а существовали основанное германскими завоевателями государство Русь и поработщённые ими славянские племена. Посмотрим, в каких условиях формировались русский и украинский народы.

Глава 2. Германское государство Русь

Кто такие варяги?

Варяги, или норманны, принадлежали к германским племенам. Римские авторы, в особенности Тацит, много писали о германцах. В дальнейшем наука накопила много данных об этом народе. Вот какую характеристику (которую в краткой статье я вынужден привести в сокращении) на рубеже XIX – XX веков дал древним германцам в очень популярной тогда «Истории цивилизации от древнейшего до нашего времени» Г.Дюкудре (М., 1900):

*«Германцы занимались земледелием ради необходимости и предпочитали ему войну и грабёж. (Выделено мной. – М.А.) ... Простые, грубоватые германцы на первых порах не нуждались в толпе рабов; поэтому последних отправляли в деревни, и на них возлагались обработка земли, жатва и все тяжёлые работы, тогда как свободные люди охотились или воевали... **Боги германцев – это «боги войны и насилия».** В диком замке Валгаллы «вечные битвы сменяются вечными пирами. Это неистовые борцы...»*

(Замечу попутно, что Ф.Энгельс, сам немец, тоже писал о германцах, что они варвары и предпочитали войну и грабёж всем остальным занятиям.)

Установившийся в Европе феодальный строй был «полным торжеством германских идей. Рим и древний мир всего более укрепили понятие о государстве; в Средние века это понятие исчезло. Новое общество средних веков, противоположное древнему, признавало только личные законы, интерес отдельного лица и волю этого лица, повиновавшегося лишь вождю, избранному им самим, и даже чаще противившегося, чем повиновавшегося ему».

Господствующим классом средневекового общества в Европе было рыцарство. Рыцари, «гордые своими земельными владениями, своей силой и мужеством, составляли класс более надменный, чем древняя аристократия. Владели землею и людьми, вооружённые правами войны, суда и финансов, не считая множества других прав насильственного или своеобразного характера, они представляются нам как будто людьми другой расы... **Обладая королевским правом объявления войны, сеньеры считали войну благороднейшим из занятий и, во время перерывов её, доставляли себе только удовольствия охоты. Работа, промышленность и торговля считались презренным делом, которому нельзя отдаваться, не нарушая и не теряя своего царственного достоинства. ...**

Свободные привычки германского воина обнаруживались и в феодальном сеньере, который не мог выносить никакого господства над собой».

Варяги (или скандинавские берсеркеры) принадлежали к германцам, но не просто отличались особенной свирепостью, а были одержимы неистовой страстью убийства и разрушения. В период с конца VIII до середины XI века для многих стран Западной и Восточной Европы настоящим «бичом Божиим» (как тогда говорили) стали викинги – жители Скандинавии, создававшие дружины морских разбойников для грабежа. На Руси их называли варягами, в Западной Европе норманнами.

Страна, подвергшаяся нападению викингов, надолго обращалась в пустыню. Разбойники не щадили никого, убивали не только воинов, но и женщин, стариков и детей, захватывали скот в качестве продовольствия во время своих длительных морских походов, а если не могли увезти его с собой, то резали и бросали на растерзание хищным зверям, дома жгли. И двигала ими жажда обладания сокровищами.

Однако они вовсе не были скопидами, которые накапливали бы денежки и пускали их в рост или в оборот. Нет, богатство, добываемое таким трудом, с опасностью для жизни,

так же легко и тратилось. Вождь, собиравший дружину, по возвращении из похода щедро разбрасывал добытое золото, чтобы привлечь к себе новых сподвижников.

В викинге ценились не богатство и не предпринимательские качества, а храбрость и щедрость. Главным для викинга была слава и красивая смерть, чтобы потомки помнили его и восхищались им. Религия викингов обещала воину, павшему в бою, что он попадёт в рай (Валгаллу) и войдёт в небесную дружину бога войны Одина. Всё это хорошо известно из памятника средневекового скандинавского эпоса «Древняя Эдда». Викинг станет образцом героя для многих поколений германцев (а в большой мере – и для первых князей-Рюриковичей).

Вот эти викинги, или варяги, не раз опустошали земли новгородцев. А край новгородской земли – Мурман (там, где ныне Мурманск) получил своё наименование от искажённого слова «норманн», которое и было истинным наименованием варягов.

Но обычно, как уже отмечалось, варяги встречали отпор со стороны новгородцев. А в 862 году сложилась ситуация, при которой новгородская знать сочла выгодным пригласить варяга Рюрика на княжение.

Большинство российских историков считает Рюрика и его племя русов скандинавами. А викингам (варягам) были не только скандинавы, но и фризы. В IX веке существовало маркграфство Фрисландия, занимавшее узкую полосу земли на берегу Северного моря и Фризские острова. По одной из средневековых европейских хроник, в 862 году племя русов во главе с вождём Хродриком Хафларнсоном, сыном фрисландского маркграфа, овладело Новгородом. Хродрик (в древнерусских летописях Рюрик) стал его правителем. (Последнее по времени упоминание об этом – см. в «Независимой газете» за 18.03.1998). Имена десятков других германских завоевателей – Ингвар (сын Рюрика, Игорь), Хелги (Олег), их вельмож и дружинников – тоже германские, скорее всего – фризские. Хотя Фрисландия утратила самостоятельность в XVI веке, фризы, как национальное меньшинство, существуют и до сих пор, сохранив свой язык и многое из остального культурного наследия. В конце концов, не так уж важно, был ли Рюрик скандинавом или фризом, – и тот, и другой были германцами. Тем, что до сих пор тщатся отыскать Рюрика среди славянских князей, следует повнимательнее вчитаться в «Повесть временных лет» (ибо более древнего достоверного письменного источника по отечественной истории, увы, до нас не дошло):

И сказали себе новгородцы: *«Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».* И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а ещё иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: *«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».* И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

России тогда не существовало, и само название «Русь», согласно «Повести временных лет», принесли завоеватели – фризы из племени русов или скандинавы. Точно так же Франция носит название не Галлии, по имени коренного населения – галлов, а по названию завоевателей – франков. То же можно сказать и о названии Болгария и пр. Из германских племён не одни франки дали своё имя завоёванной ими стране. Бельги, тюринги, тевтоны, англы, саксы, лангобарды (Ломбардия) и другие германцы увековечили свои имена на карте Европы, и до сих пор основанные ими королевства передали по наследству свои названия возникшим на их территориях современным государствам.

А на Днепре, у самой границы с Дикой степью был городишко Киев, где княжили варяги не княжеского происхождения Аскольд и Дир, бояре при Рюрике, отошедшие от него в поисках самостоятельной добычи. Киев платил дань хазарам. Существовала там и иудейская община.

В Новгороде, этой мужицкой республике, Рюрику и его дружине было неуютно. Новгородцы, призвав варягов, обставили их власть и само пребывание там весьма строгими ограничениями. И после смерти Рюрика его родственник Олег (Хельг), оставив в Новгороде наместника, прихватив с собой малолетнего Игоря (Ингвара), сына умершего князя, пошёл вниз по Днепру – этой части хорошо знакомого пришельцам-германцам водного пути «из варяг в греки». Он обманом захватил Киев (убив Аскольда и Дира, именно как самозванцев, не принадлежавши к княжескому роду, благородному сословию) и сделал его своей столицей. Затем он и его преемники огнём и мечом стали разные славянские племена приводить в подчинение Киеву. В подтверждение этого ниже я приведу лишь несколько строк из «Повести временных лет...»:

Так германцы Рюриковичи стали правителями государства, вошедшего в историю под названием «Киевская Русь». О том, что это означало для древних славян (вместе с чудью, весью и другими угро-финскими племенами, входившими в состав новгородских земель), рассказывается в статье Михаила Саяпина «Германский вопрос в истории Европы и России». Приведу лишь несколько положений этой очень важной работы.

«В результате германские завоевания, – пишет М. Саяпин, – сформировали в послеримской Европе германский по происхождению кодекс благородства, зиждившийся на двух столпах:

1. господин не происходит из числа подвластного ему населения, его род – пришлый в этих краях;
2. господин является полновластным хозяином своих людей, а не просто правителем данной местности.

Германская система землевладения фактически восстановила рабство».

Замечу от себя, что германцы, с их точки зрения, имели на это моральное право. Они действительно были пришлыми и не имели с населением завоёванных земель ничего общего. После свержения ими последнего римского императора земли империи оказались как бы бесхозными. Были там какие-то муниципальные власти, но что они значили перед лицом хорошо организованных и прекрасно вооружённых орд закалённых в боях германцев-завоевателей?

Сегодня не принято вспоминать, что процветание Киева (как и Новгорода) было связано не только с экспортом мехов, зерна, мёда, воска, но и с работорговлей.

По М. Саяпину, германцы установили в Европе понятие благородного человека – господина, кто имеет рабов. И если он по происхождению не имеет со своими подданными ничего общего, то и воспринимается как представитель принципиально иной, высшей расы, лишь в какой-то степени внешне схожей с породой зависимых людей. Вот и на Киево-Новгородских землях утвердилась княжеская династия германского происхождения, отношения которой с туземцами отличали невероятный апломб, огромная родовая спесь, чувство природного превосходства благородного рода над местным беспородным населением, так сказать, над дворняжками в человеческом облике. Даже летописи, проходившие строжайшую цензуру князей, сохранили множество эпизодов, свидетельствующих о надменности германских властителей. Вот один из них.

Князя Святополк и Владимир Мономах призвали Олега, много раз нарушавшего мир: *«Иди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых»*. Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: *«Непристойно судить меня епископу или игуменам, или смердам»*. Итогом же стала очередная война с большими человеческими жертвами и материальными потерями.

Рюриковичи стали замкнутой кастой, культивировавшей при своих дворах особую культуру, слабо связанную с культурой местного, в большинстве славянского, населения.

Они демонстративно заключали династические браки исключительно с представителями знатных королевских родов не только Запада, но и Востока, пренебрегая местными.

Строго говоря, варяги не были в этом оригиналами, германские завоеватели всюду вели себя точно так же. Это отмечали ещё славянофилы (странно только, что они не увидели подтверждения своих тезисов в истории собственной страны). Об этой особенности европейских государств, возникших из германских завоеваний, писал И.В. Киреевский:

«...общественный быт Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти везде возник насильственно, из борьбы на смерть двух враждебных племён: из угнетения завоевателей, из противодействия завоеванных и, наконец, из тех случайных условий, которыми наружно кончались споры враждующих несоразмерных сил» (Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 258).

И далее И.В. Киреевский не только проследил все последствия, вытекающие из этого фундаментального факта образования европейских государств из германского завоевания, но и предсказал неизбежный крах самих их устоев, но эти его выводы я оставляю в стороне.

Особенности завоевания Руси германцами

Когда историки говорят о мирном приходе варягов на Русь, они лукавят. Призвали Рюрика лишь в Новгород. А империя Олега, севшего княжить в Киеве, создавалась огнём и мечом. А потом начались настоящие военные походы для покорения славянских племён и принуждения их к уплате дани. Приведу лишь несколько строк из «Повести временных лет...»: *«Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по чёрной куннице... Отправился Олег на северян, и победил их...»* Воевал Олег с уличами и тиверцами и т. д. (особенно упорно сопротивлялись варягам вятичи – предки будущих великороссов). «Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно...». Те славянские племена, что платили дань хазарам, заставил платить ему. И властвовал над покорными славянами, а с непокорными воевал.

Но и после завоевания земель славянских племён считать это население покорённым было бы легкомыслием. Сбор налогов (то есть дани) тоже проходил как военная операция. *«Пошёл Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой».*

Хотя и при завоевании Руси варяги (и в целом, и в отношении к покорённому населению) остались германцами, всё же им пришлось приспосабливаться к местным условиям.

Ведь прежде варяги жили только грабежом, совершая набеги на земли своих жертв, а затем возвращались в родные пенаты, где зализывали раны и пополняли ряды своих ватаг, замещая погибших. Исключений из этого правила было немного. Так, викинги, ограбив приморскую провинцию Франции, основали там герцогство Нормандия (затем в 1066 году нормандский герцог завоевал Англию). И вот варягам, пришедшим на Русь, досталась огромная страна, которой в Европе не было равных ни по размерам, ни по богатству. Но всё же первые варяжские киевские князья – и Олег, и Игорь – совершали набеги на морских судах на Константинополь, показав местным аборигенам на Руси свою способность к стратегическому мышлению.

Аскольд и Дир также совершили набег на Константинополь, но неудачно:

В 866 году *«отправились Аскольд и Дир войной на греков... (Вошли в предместья столицы Византии.) Совершили много убийств христиан и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же... всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви Святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу Святой Богородицы и омочили в море её полу. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны, чтобы разметать корабли язычников русских, и прибило их к берегу и переломало так, что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой».* Словом, пошли по шерсть, а вернулись стриженными.

Олег же действовал иначе. В 907 году отправился он в поход на конях и на кораблях на Царьград. И пришёл к Царьграду. *«И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств совершил в окрестностях города грекам, и разбил множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, Одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.*

И повелел Олег своим воинам сделать колёса и поставить на колёса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи город, дадим тебе дани какой хочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от Бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида (как видим, всё чистейшие славяне... германского происхождения) со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов...»

Так был заключён мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок (драгоценной ткани), а славянам копринные (попроще) – и было так. И повесил щит свой на воротах в знак победы и пошли от Царьграда... И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега вещим, так как были люди язычниками и непросвещёнными». Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими» – и опять в составе делегации ни одного славянского имени, только германцы.

Святослав пытался достичь Царьграда по суше, через Болгарию, но не преуспел. И лишь со временем киевские князья осознали, что, имея такую богатую страну, можно не тратить усилия на морские набеги, а получать многократно большее богатство, облагая данью местное население и продавая добытое (в том числе и рабов) на мировом рынке (например, в Византии или в Западной Европе). Рюриковичи устроились на Руси по-хозяйски. Они приняли христианство, причём именно в восточном, православном виде. Это отличало их от других германских завоевателей, которые почти все оказались в ареале католицизма, хотя часто и в еретическом его варианте (арианство и др.). Выбор киевских князей был объективно обусловлен. Во-первых, их жизненным нервом, главной коммуникации оставался водный путь «из варяг в греки» (убожество быта варягов по сравнению с роскошью византийских императоров было для них очевидным). Во-вторых, Византия и для тогдашних западноевропейских королевств оставалась высшим уровнем могущества и культуры, предметом восхищения и зависти. И Киев стал также украшаться великолепными храмами, претендовать на звание «второго Константинополя». Рюриковичи охраняли независимость доставшейся им страны, пеклись об её международном авторитете, стремились и у себя готовить грамотных людей, необходимых для управления столь громадным государством.

А.П. Прохоров в книге «Русская модель управления» (М., 2002) показывает, почему на Руси не годился опыт эксплуатации германцами туземного населения, приобретённый в Западной Европе. Например, дикие франки захватили богатую римскую провинцию Галлию. Они застали там многочисленное поработщённое население, за долгие века привыкшее к тому, что им командуют и его эксплуатируют. Там давно укоренились христианство и римское право, охранявшее частную собственность. Поэтому король мог раздавать землю в собственность рыцарям и даже франкам-крестьянам, «размазав» свою армию по всей стране. И каждый из завоевателей (скажем, один франк на целую деревню) спокойно эксплуатировал местное население на пожалованной ему земле. И лишь в случае войны эта «размазанная» по земле орда составляла многочисленную армию.

А на Руси тогда, во времена германского завоевания, не было ни христианства, ни развитой правовой системы и частной собственности, ни привычного к эксплуатации населения. Дружину нельзя было «размазать» по территории страны с тем, чтобы она кормилась на месте. Славянские племена до того не были никем покорены, не было традиции того, что они должны кого-то содержать. Забрать прибавочный продукт можно было только «полюдьем», явившись со всей дружиной. Подданные платили налоги лишь при угрозе непосредственного применения военной силы.

А варяги были жадны до богатства. Варяги – дружинники князя Игоря Рюриковича подбивали его на разбой: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги.

Пойдём, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь – пошёл к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошёл он в свой город. Когда же шёл он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: *«Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю ещё»*. И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства».

Ну, и как же должны были принять его древляне?

«Древляне же, услышав, что идёт снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет всё стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьём его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: *«Зачем идёшь опять? Забрал уже всю дань»*. И не послушал их Игорь, и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили. Игоря и дружину его, так как было её мало». А если вообще без дружины, один воин на целую деревню, как на Западе? Нет, на Руси подданные не готовы были добровольно кормить всю эту княжескую братву.

Жаждали князя и их дружинники не только богатства, но и славы. Всем памятные строки о дружине, которая жаждет «себе чести, а князю славы». Ну, а если представлялась (хотя бы умозрительно) возможность обрести и богатство, и славу одновременно, то ради этого князя пускались порой в предприятия весьма рискованные.

Великий князь Святослав Игоревич, разгромив Хазарию и одержав ряд других блистательных побед, оправился в поход на Балканы, едва не потеряв собственную столицу – Киев, подвергшийся нападению печенегов. Вернувшись и прогнав печенегов, «сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мёд и рабы». Особенно поражает это последнее слово: из Руси, государства русского князя, поступают рабы! Как известно, затея Святослава окончилась для него плачевно, сам он был убит печенегами.

Ну, ладно, Святослав – великий воин. Но вот князь Василько Теребовльский, ничем ещё (кроме войны с поляками) себя не проявивший. Неизвестно, замышлял ли он что-нибудь против других князей, соседей своих, но они, опасаясь этого шустрого воина, заманили его к одному из них и ослепили. И Василько сетует, что не удалась его замысль: *«Землю Польскую буду завоёвывать зимою и летом... И потом хотел захватить болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел... идти на половцев – да либо славу себе буду иметь, либо голову свою сложу за Русскую землю»* (Надеюсь, читатель уже понимает, что Русская земля у князей Киевской Руси – это вовсе не Россия, а только земли вокруг Киева)

Возможно, варяжские князья и дальше проявляли бы свою разбойничью суть, но они вынуждены были несколько поубавить и свою алчность, и свою спесь. Да и случай с Игорем должен был их научить. А он был не единственным, варягов не-князей убивали нередко, потому что творили они разбой и насилие, и в «Русской правде» были прописаны наказания за это. Варяжские властители поняли, что несколько десятков князей с несколькими тысячами варягов-дружинников численно были каплей в море местного населения, так что при чрезмерном обострении отношений с ним им несдобровать. У них хватило ума, чтобы не призывать на эту громадную и обильную землю других германцев, чтобы не делиться с ними добычей, а то и лишиться всего. Если бы германская колонизация приняла огромные размеры, то ещё неизвестно, смог ли бы на окраине Руси появиться русский народ, и сколько веков заняла бы его борьба против оккупантов. Не постигла ли бы русских судьба тех славянских народов, которые были онемечены и практически перестали существовать? И пришлось им балансировать на грани высокомерия и панибратства с местными славянами.

Князья перешли на славянский язык. Стали именоваться не только по владению, но и по имени-отчеству. (Конечно, выбирали себе и детям своим не простонародные славянские

имена вроде Добрыни или Вышаты, а аристократические: Святослав, Ярослав, Брячислав, Святополк и т. п., возможно, на польский манер, где были короли Болеславы.) Старательно внедряя родовое начало и противопоставляя его местной «беспородной» общинной традиции, владение самой Русской землёй Рюриковичи были вынуждены организовать на началах именно... территориальной общины: Киевская Русь до самого своего конца осталась совмещённым владением рода князей Рюриковичей. Среди них не было сюзеренов и вассалов, они все были соправителями Руси, и каждый из них в принципе мог стать великим князем, который считался лишь «первым среди равных». После смерти великого князя киевского великокняжеский стол переходил не к его старшему сыну, а к князю – старшему в роде, затем начиналось перемещение остальных удельных князей. Например, князь черниговский становился князем киевским, переяславский – черниговским и т. д. То есть, князь-Рюрикович не был органически связан с землёй, которой владел, и зорко следил лишь за тем, чтобы при смене властителя в Киеве он не был ущемлён в своих правах. (Неоднократные попытки утвердить принцип «каждый владеет отчиною своею» ни к чему не привели.) При этом часто возникали споры из-за власти, которые приходилось разрешать военной силой, от чего страдало мирное население. Опустошать землю князя-противника и уводить его людей в полон, «грабить и продавать людей» было обычным делом. В лучшем случае плённых жителей селили на землях захватчика, в худшем – продавали в рабство: *«много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям»*. Страшно читать в летописях, как сотнями убивали мирных жителей, жгли города и сёла и даже святыни: *«Олег, подступив к городу, пожёг вокруг города и монастыри пожёг... повелел зажечь Суздаль город...»*. Как князья приводили на Русь в качестве союзников в междоусобных войнах половцев и других чужеземцев, и те грабили её: *«Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навёл он поганых на землю Русскую...»*. А уж забирать провиант у местных жителей считалось нормой. И в летописях появляются сетования: *«наша земля оскудела от войны и от продаж»*.

Появились князья-изгои, которым не нашлось места на этом пиру жизни, и они тоже пытались устроить своё счастье – отнять уделы у тех князей, которые оказывались недостаточно сильными, чтобы удержать свои владения. В споры князей вовлекались их родственники – владельцы соседних государств, которые тоже были не прочь поживиться за счёт мирного населения Руси. Даже во время совместных военных походов у князей не было верховного главнокомандующего, а каждый из них действовал самостоятельно (пример – битва на Калке, закончившаяся столь печально). Прав был академик Рыбаков, писавший, что самым большим бедствием и проклятием Киевской Руси были её князья.

Сами князья, летописцы, а затем дореволюционные историки и публицисты много сделали для того, чтобы облагородить облик варягов-князей. Тут можно провести аналогию с известным высказыванием знаменитого русского историка В.О. Ключевского: жития святых так же похожи на биографию, как икона на портрет. Не отрицая значения побед над внешними врагами и иных заслуг киевских князей, все же надо сказать, что коренные свойства викингов они сохранили в полной мере, особенно надменность в отношениях с туземцами, алчность и неуёмную жажду славы.

Ну, об Олеге – завоевателе Киева мало что можно сказать. Он был прозван вещим, хотя вещим-то скорее оказался кудесник, якобы предсказавший ему смерть от коня, что и сбылось, хотя и не так, как ожидалось. Игорю, как уже отмечалось, не повезло с древлянами. Его вдова Ольга (Хельга) проявила себя не только умной, но и коварной правительницей, жестоко отомстившей древлянам за смерть мужа и за покушение местного хама, именовавшего себя князем древлян, на вхождение в круг благородных. Святослав, как уже отмечалось, движимый жаждой богатства и славы, хотел создать империю со столицей в болгарском Переяславце. Святой равноапостольный князь Владимир до своего крещения был известен

непомерной любовью к прекрасному полу (попросту говоря, распутством), наложниц содержал сотнями. Одну из жён, Рогнеду, не желавшую идти за него, он взял силой, убив её отца Рогволода, полоцкого князя, и двух его сыновей. После Владимир обманом заманил к себе своего брата Ярополка, киевского князя, убил его, и стал жить с женой брата, которая уже была беременна. И дети у него были от разных жён (которые были различного этнического происхождения, в том числе чешка, болгарка и гречанка), так что не удивительно, что не все из них питали братские чувства к остальным. А потому не приходится удивляться и тому, что после смерти Владимира почти все его сыновья погибли в ходе борьбы за власть. Владимиру же принадлежит формулировка едва ли не основного закона древнерусской (а в значительной мере – и современной российской) жизни: *«Руси есть веселие пити»*. Правда, в былинах его называют «Владимир Красно Солнышко». Однако, во-первых, ряд исследователей полагает, что в данном случае народ соединил в одном образы Владимира Святого и Владимира Мономаха, который действительно выделялся из среды Рюриковичей не только хитроумием, но и человечностью (хотя позорных дел на его совести тоже было немало, в чём он каялся в своём «Поучении»). Во-вторых, в былинах неизменно Владимир и его дружина противопоставляются русским богатырям, им внутренне чуждым. С лёгкой руки Карамзина за Ярославом Владимировичем утвердилось прозвище «Мудрый», хотя ни в одном историческом источнике подобной его характеристики не встречается. А шведские хроники называют его скупым Им виднее: ведь вторая жена князя Ингигерда (в крещении Ирина) была дочерью короля Швеции Олафа Шётконунга и Эстрид. Считается, что Ярослав наследовал престол отца после того, как его брат Святополк (прозванный за это Окаянным) убил других братьев – Бориса и Глеба. Но известный педагог и публицист Евгений Ямбург сослался на сенсационный документ (проверить подлинность которого у меня не было возможности): *«В середине XIX века Сенковский опубликовал перевод саги, в которой убийцы, нанятые Ярославом, рассказывали, как они прикончили Бориса и Глеба. Нашелся только один историк Погодин, который считал необходимым отредактировать житие Бориса и Глеба. Церковь же настояла на незыблемости памятника, запечатленного в сердцах, а стало быть – на незыблемости ложного обвинения Святополка»* («МК», 17.02.2012). А уж если брать удельных князей, то там часто можно видеть картины преступлений куда более впечатляющие.

Желая укрепить свою социальную базу, впоследствии предводителей славянских общин Рюриковичи сделали боярами, своего рода местной квазиаристократией, а фактически коллаборационистами. Но настоящей аристократией они так никогда и не стали: Рюриковский клан строго следил за сохранением непреодолимой границы между собой и туземцами. До реформ Петра I князем нельзя было стать (например, за заслуги), им можно было только родиться, то есть это была исключительная привилегия клана Рюриковичей.

Бояре были в ещё большей степени, чем князья, носителями анархического, антигосударственного начала. Боярин в любой момент мог «отъехать» от «своего» князя и поступить на службу к другому (даже враждебно настроенному по отношению к князю, у которого боярин служил), не рискуя потерять имения в «своём» княжестве.

Вот такой была Киевская Русь, которой владели князья – потомки германцев. При том анархическом и разбойническом строе, который в ней утвердился, остаётся лишь удивляться тому, что она просуществовала так долго – до XIII века.

Дополнение: Сергей Овчинников раз в год публикует в Интернете 25 фактов о «Киевской Руси», которые должен знать каждый русский. Вот последняя его публикация:

1. Государства «Киевская Русь» никогда не существовало. Это вымышленное название было введено в обиход советскими историками в рамках политики дерусификации русской истории.

2. Первая столица Руси Ладога была основана словенами около 700 г.

3. В заключении договора с Рюриком участвовали славянские племена словене и кривичи и финские племена чудь и меря (по Новгородской I летописи) или весь (по Повести временных лет).

4. Из городов первоначальной, Рюриковой, Руси (Ладога, Новгород, Изборск, Белозеро, Ростов, Муром, Полоцк) 6 находятся в России, 1 – в Белоруссии, на Украине – ни одного.

5. Аскольд, Дир, Олег, Игорь, Святослав, Владимир и Ярослав приходили из Ладоги или Новгорода и захватывали Киев силой. Случаев завоевания в обратном направлении не было.

6. До завоевания Русью Киев был хазарским городом. Его самое раннее документальное упоминание содержится в «киевском еврейском письме» начала X в. в выражении «кагал Киева».

7. Слова «Се буди мати городом русскимъ», которые летопись приписывает Олегу, означают провозглашение Киева главным городом Руси, а не происхождение Руси из Киева.

8. У Киева было тюркское название – Манкерман.

9. Киев находился на южном пограничье Руси с тюркскими землями. Географический центр Руси находился между Смоленском и Москвой.

10. В войско князя Олега, с которым он завоевал Киев, входили варяги, словене, кривичи, чудь, меря и весь. После завоевания Киева Олег наложил на его население дань в пользу словен, кривичей и мери.

11. Святая княгиня Ольга совершила жестокий геноцид и порабощение предков украинцев – древлян: «...Взя городъ и пожже и, старейшины же города ижже и прочая люди, овехъ изби, а другия работе преда мужем своимъ, а прокъ остави ихъ платити дань, и възложи на ня дань тяжьку» (Повесть временных лет).

12. Князь Святослав Игоревич бывал в Киеве лишь несколько раз проездом и заявлял своей матери и боярам: «Не любо мне в Киеве».

13. На северных землях первоначальной Руси Рюриковичи по договору получали от местных властей «дар» (жалование). На завоёванных южных землях Рюриковичи собирали с «примученных» племён дань при помощи полюдя.

14. В древнерусскую эпоху Киев был застроен срубными избами.

15. Повреждение бороды каралось согласно Русской Правде штрафом (краткая редакция: «А во усе 12 гривне, а въ бороде 12 гривне»; пространная редакция: «А кто порветь бороду, а вьньметъ знамение, а вылезуть людие, то 12 гривень продаже»).

16. Галицко-волынские дружинники князя Даниила Романовича Галицкого носили большие бороды, за что их задирали поляки: «Ляхомъ же лающимъ, рекущим: “Поженемъ на великыи бороды”» (Галицко-волынская летопись в рассказе о битве под Ярославом 17 августа 1245 г.).

17. В 1069 г. великий князь Изяслав Ярославич казнил и ослеплял киевлян, выступивших против его власти: «исече [Кияны]... числом 70 чади. А другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ» (Лаврентьевская летопись).

18. Одним из авторов «Правды Ярославичей», принятой в 1072 г., был приближённый великого князя Изяслава Ярославича посадник Вышгорода Чудин («Правда оуставлена роусьскои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула»). Брат Чудина Туки был великокняжеским воеводой.

19. В обоих граффити из Софии Киевской древнерусской эпохи (кон. XI – нач. XII в.), содержащих этноним «русский», он написан с двумя буквами С («Въ великыи четвьрг рака положена бысть Андрея роусьскыи кынязь благы...», «Господи, помози рабе своей Олисае Святополчей матери русской княгине»).

20. В течение одного столетия (начиная со 2-й четверти XII в.) бытовало понятие «Руси в узком смысле» (Киевщина, Черниговщина и Переяславщина). При этом остальные русские земли Русью называться не переставали.

21. В разгроме Киева в 1169 г. помимо владимиристо-суздальских принимали участие смоленские, полоцкие, рязанские, новгород-северские и другие войска, представлявшие большинство русских земель. Андрей Боголюбский в «разгроме Киева Андреем Боголюбским» участия не принимал.

22. В 1203 г. черниговские Ольговичи вместе с половцами подвергли Киев разгрому, какому, по свидетельству киевского летописца, он никогда ранее не подвергался: «...Створися велико зло в Русстеи земли якоже зла не было от крещенья надъ Кыевомъ. Напасти были и взятыя не якоже ныне зло не сстася» (Киевская летопись).

23. Эпическая память о древнерусском периоде сохранилась только у великороссов. Украинцами и белорусами он был полностью забыт.

24. Все архитектурные памятники древнерусского периода на территории Украины и Белоруссии были разрушены или перестроены до неузнаваемости. В великорусских землях архитектурные памятники древнерусского периода сохранились в своём первоизданном виде.

25. Все литературные памятники древнерусского периода сохранились в великорусских землях. На территории Украины и Белоруссии не сохранилось ни одного литературного памятника древнерусского периода.

26. На территории Германии, до базальта (по раскопкам) жили СЛАВЯНЕ.

А писатель Александр Бушков доказывает, что Киевская Русь вообще никогда не существовала.

Глава 3. Возникновение русского народа

Русский народ (первоначально это была великоросская народность) образовался на рубеже XI–XII веков на северо-восточной окраине Киевской Руси, в Залеской Руси или в Ростово-Суздальской (позднее названной Владимиро-Суздальской) земле. Туда в то время устремился мощный поток славян из терявших своё значение Киева и других южных княжеств (прежде пионерами освоения этого края были новгородцы). Причина проста: эксплуатация местного населения князьями Киевской Руси и ростовщиками, находившими княжеское покровительство, была очень жестокой, что неоднократно приводило к народным бунтам и вызвало массовое бегство населения из южных княжеств в Суздальскую землю. К тому же юг Руси в то время был изрядно измучен набегами половцев, истощён княжескими усобицами. При этом в числе переселенцев оказывались наиболее энергичные люди, не боявшиеся неизвестности. На новом месте, в отличие от южных княжеств, располагавшихся на чернозёмах, преобладали бедные подзолистые почвы. Это обрекало переселенцев на занятия подсечным земледелием: расчистив от леса и удобрив участок золой от сожжённой растительности, они снимали три-четыре урожая и затем переходили на новый участок, который также нужно было сначала расчистить и удобрить. Это воспитывало у новых жителей Суздальской земли характер первопроходцев и «земледельцев-кочевников», почему они впоследствии довольно быстро нашли общий язык с восточными кочевниками (крестьяне южных княжеств надобности в таком полукочевом образе жизни и «охоты к перемене мест» не имели, их к бегству мог подвигнуть только гнёт «верхов»). Среди этих переселенцев преобладали мужчины цветущего возраста. Они вынуждены были смешиваться, сочетаться брачными узами с местным населением – угро-финскими племенами (мурома, мешора, весь и пр.), что давало киевлянам основание свысока поглядывать на представителей нарождавшейся великорусской народности (хотя в самих южных княжествах исконное славянское население тоже смешивалось с половцами и другими «степняками»).

Значение нового очага восточнославянской цивилизации первым осознал Владимир Всеволодович Мономах, которого отец ещё юношей поставил первым князем в Ростове. Он основал в 1108 году в суздальской земле и назвал своим именем будущую новую столицу Руси – город Владимир-на-Клязьме. В 1113 году Мономах стал великим князем киевским. А Суздальская земля была уделом его сына Юрия (Георгия). После смерти отца Юрий ещё пытался из своего «захолустья» (с точки зрения надменных киевлян) вмешиваться в дела Киевской Руси, за что и получил прозвище Долгие Руки. Он трижды, вопреки действовавшему порядку престолонаследия, занимал киевский престол, причём брал Киев штурмом, и умер в Киеве (до сих пор так и не решён вопрос о переносе в Россию его останков, лежащих где-то завёрнутыми в газету в запасниках киевского музея). А уже его сын Андрей не пожелал оставаться в Киеве. Он, вопреки воле отца, (согласно летописи, по указанию Богородицы) отправился в Суздальскую землю. При этом он взял с собой чудотворную икону Божьей Матери (позднее прозванную Владимирской). Как сказано в одной из повестей о его жизни, Андрей вовсе не намеревался везти обожаемую икону в Суздаль или Ростов. Он страстно мечтал о своем городе. Ему очень нравился Владимир, в ту пору местечко более чем захолустное. Впрочем, Андрей не сомневался, что способен любое захолустье сделать центром вселенной. Кроме того, он хотел абсолютной, непререкаемой власти, а в Ростове и Суздале добиться ее было бы невозможно. Там существовали свои вечевые традиции, причем очень сильные: князя непременно избирало вече, и во всех своих поступках он тому вече был подотчётен. Во Владимире же, который Андрей намеревался сделать полноценным городом, он был бы сам себе господин. Себе – и всем прочим. И вот, вняв чудесному указанию свыше, недалеко от Владимира он устроил свою резиденцию Боголюбово. **Государь-**

ственный переворот, который устроил Андрей Боголюбский и привёл к установлению единой державы во Владимиро-Суздальской земле, резко отделил её от прежней Киевской Руси.

«Но как же так, – задают мне недоумённые вопросы, – разве жители Киевской Руси, древние русичи не были нашими предками, предками русских?» Вопросы эти наивны, но и на них придётся ответить.

Во-первых, констатируем фундаментальный факт: **Русь – это германцы, норманны, варяги.** Ещё раз вчитаемся в то место летописи, где говорится как раз о событиях 862 года. *«Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Пошщем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а ещё иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собою всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. **И от тех варягов прозвалась Русская земля**».* Естественно, варяги и у себя дома были русью, и доставшуюся им землю называли Русью. А раз столицей этой земли стал Киев, то и государство получило у историков (не у современников!) название Киевская Русь.

И через 20 лет, в 882 году *«выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришёл к Смоленску...»* И установил Олег «дани и славянам, и кривичам, и мери, и для варягов давать дань от Новгорода...» Наконец, в 907 году *«пошёл Олег на греков... взял же с собою множество варягов, и славян, и чудь, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев...»* И вот всё это воинство двенадцати языков греки называли **русскими по названию германского племени**, составлявшего основу нового государства. На переговоры с греками, запросившими мира, Олег послал Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида – сплошь германцев. По условиям мира Олег повелел на правах победителя: *«Сшейте для руси паруса из паволок (из дорогих тканей), а славянам копринные»*, похуже. Для заключения письменного договора с греками Олег назначил внушительную делегацию – и опять целиком из германцев. Даже из этого частного эпизода видно, что германцы оставались господствующей прослойкой на Руси и составляли ближайшее окружение великого князя.

Вряд ли нужно доказывать, что ещё долгое время простые обитатели этого государства не называли себя русскими, это было официальное название населения германского государства Русь. Люди по-прежнему осознавали себя полянами и кривичами, северянами и вятичами. Общим же их (кроме чудь и других неславянских этносов) полуофициальным названием было «славяне», поскольку говорили они на разных диалектах единого словенского языка. (Уже в эпоху Возрождения практически не было в ходу название «итальянец», люди ощущали себя прежде всего флорентийцами или веронцами, пизанцами или венецианцами.)

И никаких «древних русичей» тогда не существовало. Люди жили, воевали, трудились, воспитывали детей, и им и в голову не могло прийти, что они какие-то древние. Всякое ныне живущее поколение – живое, не древнее, древним оно станет века спустя, и это название даст им наука. Точно так же мы говорим о древних греках или римлянах, но Перикл и Фидий вовсе себя древними не считали.

Да, постепенно все эти кривичи и радимичи складывались в единую восточнославянскую народность. После крещения Руси, в ходе укрепления единства государства, слово «русский» постепенно начинает пробивать себе дорогу сначала в просвещённой прослойке,

среди грамотных, но, возможно, до конца существования Киевской Руси так и не стало общепринятым, общенародным, о чём ниже ещё будет сказано.

Когда эти славяне уходили в Залесскую Русь, они вступали в брачные отношения с местными угро-финнами. Позднее, а период владычества Орды, в брак с жителями Залесской Руси вступали и монголы, и татары (которых правильнее называть булгарами), и выходцы из других кочевых и оседлых азиатских народов. Хотя учёные утверждают, что в антропологическом отношении славянский тип с таких добавок мало изменился, всё же, видимо, на генном уровне это пополнение сказалось.

Народы, как и люди, рождаются, развиваются (если не исчезают вследствие уничтожения посторонней военной силой), стареют и умирают. Вот и русский народ, великороссы, родился, впитав в себя наследие разных предков. Но наличие этого наследия не отменяет факта рождения русского народа в определённый исторический момент, рассмотренный выше.

Первые шаги русской государственности

Я здесь не скажу ничего особенно нового. Русские историки давно уже отметили выдающиеся качества и деяния Андрея Боголюбского и показали, что именно с его правления начинается новая эпоха в истории, а именно – появление зачатка Российского государства. Это впоследствии, с приходом в историческую околонату толпы болтунов и дилетантов, грань в истории страны (до Андрея Боголюбского и после него) была заболтана и, по сути, стёрта.

В наши дни наиболее обстоятельно княжение Андрея исследовал Дмитрий Зенин. Но те моменты жизни и деятельности Андрея, которые интересны мне, более подробно изложены в исследовании Андрея Синельникова. Он не без основания заметил, что «о великом князе Андрее современники наши ничего не знают или почти ничего не знают. И это несмотря на то, что именно этот князь за годы своей деятельности изменил существующий жизненный уклад Руси того времени и направил его в новое русло государственного строительства». Но ещё историк **С. М. Соловьев именно Андрея Боголюбского считал основоположником обустроенной русской государственности, именно с ним он связывал зарождение, становление и развитие великорусской нации. Н. П. Павлов-Сильванский начинает от Андрея Боголюбского отсчёт времени, завершившийся в XVI веке созданием могучего централизованного русского государства.** В Германии этого князя называли Andrej von Rostov, der Grosse Koenig Rossia («Андрей Ростовский, великий король России»), что не удивительно. Его княжество было не только самым могущественным на Руси, но и одним из сильнейших государств Европы, и он находился в тесных сношениях с наиболее влиятельными светскими и духовными властителями Европы своего времени. В их числе были императоры Византии и Священной Римской Империи Германской нации, патриархи Константинополя и Иерусалима, папа Александр III, а также епископ Кирилл Туровский, выдающийся русский литератор того времени.

А. Синельников уточняет основной принцип государственного устройства Киевской Руси: *«Все Рюриковичи по рождению были природными государями, поэтому вассальные отношения ни на одного из них не распространялись. Каждый Рюрикович был потенциальным государем всея Руси и был сопредседателем ныне правящего великого князя. Князья русские находились между собою в родственных отношениях, а всё остальное народонаселение всех званий, сословий и разрядов, пребывало в служебных отношениях между собой и по отношению к Рюриковичам. Кроме того, Рюриковичи были в родственных отношениях с правящими династиями двух империй – Германской и Византийской».*

В то время, о котором здесь идёт речь, от Англии до Центральной Монголии существовал закон, по которому, если кто из детей монарха умирал, не успев короноваться, и у него оставалось потомство, то эти дети теряли право короноваться и, оставаясь членами правящего рода, выбывали из коронационной лестницы.

Такие люди относились к изгоям». И далее: *«...в начале последней четверти XI века Европа, несмотря на якобы имеющиеся трения между православным и римским духовенством, была общим домом для народов и знати. С общим социальным укладом, аналогичными законами... Вроде бы жить-поживать в этом большом семейном доме, да добра наживать, но...*

Стержнем всего средневековья, вокруг которого разворачивались трагические события на Руси, во Франции, Византии, Чехии, Дании, Германии... был конфликт между дядями и племянниками... Потомство Рюрика, распространившееся по всей Европе, было действительно благословенным. Следствием этой плодовитости стало ослабление и дробление высшей власти. Поскольку знать по своей природе была воинственной – прямо скажем,

исключительно военной, – то если знатный человек снимал рыцарский пояс, это означало или крайнюю физическую немощь, или уход в монастырь. Война была основной формой существования средневековой знати, поэтому общий дом всё время бурлил...» Более того: «В христианской Европе знать имела право служить любому государю, независимо от того, на чьей территории находились её владения. Барон-боярин мог без ущерба для своих владений воевать против того государя, в пределах власти которого была его вотчина (синьория). Изменой считался переход на сторону противника во время боевых действий или без объявления причины отъезда. Поэтому все опоясанные мечом имели право свободного перехода...»

От не прекращавшихся частных войн наибольшие потери несло мирное население и церковь. Поэтому христианские пастыри в середине XI века выступили с инициативой Божьего мира».

По призыву папы Урбана II многие рыцари и простолюдины Европы отправились в крестовый поход и на короткое время отвоевали Святую Землю у мусульман. Но на этой земле, крошечном островке христианского воинства посреди бушующего мусульманского мира, нельзя было выжить, не положив конец бесконечным внутренним войнам. Там впервые было построено централизованное феодальное государство с соборным управлением. *«В Европе же внутридинастийная чехарда продолжалась. Авторитет высшей власти упал до последней крайности... Император, король и наш великий князь киевский обладали в то время самой номинальной властью...»*

Андрей Боголюбский проложил путь к новой государственности, по которому пошли также король Франции Людовик VII, император Германии Фридрих II Барбаросса, король Англии Генрих II и император Византии – Мануил I (кстати сказать, все они были в той или иной степени родственники). Путь этот заключался в обуздании вечно воевавших между собой вассалов и установлении единоличного наследственного правления великого князя (короля, императора). И вот что произошло на Руси.

«Соборное решение упразднило уделы в Ростово-Суздальской Земле и объявило всех владельцев – под рукою Андрея. Иными словами, для всех социальных звеньев населения, включая Рюриковичей, в объединённом княжестве вассально-служебные отношения устанавливались как обязательные. Самое замечательное, что всеобщий вассалитет был установлен не единоличным решением святого князя, а приговором всей земли. Началась централизация государства». Бесповоротным этот процесс стал **в 1162 году, когда Андрей лишил уделов** и послал в Константинополь братьев, сына Мстислава и отцовских бояр (видимо, учиться уму-разуму, вернулись они через семь лет). **Здесь и пролегла принципиальная граница между Киевской Русью, остававшейся очагом анархии и княжеских междоусобиц, и созданным Андреем Боголюбским Великорусским государством, основанном на единой державности. И произошло это ровно через триста лет после призвания варягов.**

«Как отголосок этой победы приходят Андрею Боголюбскому поздравления от императоров Византии и Священной Римской империи Германской нации, патриархов Константинополя и Иерусалима, папы Александра III и епископа Кирилла Туровского, выдающегося русского литератора того времени, – продолжает А. Синельников. Поздравления и просьба взять под свою Державу Русь и другие земли...»

В 1157 году умер (вероятно, был отравлен на пиру у киевского боярина) Юрий Долгорукий. Со всех сторон Руси к Андрею обращались с призывом взять всю Русь под Державу свою. Но только в 1169 году час Андрея пробил. К нему прибыла депутация из четырех князей и представителей 50 городов с просьбой защитить их от произвола киевского и других хищников. Андрей созвал собор во Владимире, который приговорил, что надо спасти Русь от пленения и разорения, для чего своих хищников укротить. Сам князь, признанный депутацией истинно Великим, в поход не пошел. Во главе войск он поставил своего сына

Мстислава. Мстислав штурмом взял Киев, «мать городов Русских». Киев был отдан на три дня войску победителей на разграбление. Но все священные реликвии (чудотворные иконы, мощи святых, ризы, книги, колокола и пр.) были тщательно собраны и вывезены во Владимирскую землю.

С тех пор Киев навсегда утратил право называться столицей Руси. Его князья, лишённые прежнего материального могущества и покровительства чудотворных икон и мощей, уже зависели от воли Владимирских держателей и утратили самостоятельность. Андрей, сохранив за собой титул великого князя, не переехал в Киев и не стал удерживать его за собой лично, а посадил в нём брата Глеба, поцеловавшего ему крест на всей его воле. А вскоре он объединил под своей властью почти все княжества Киевской Руси, но столицей этой империи оставил Владимир.

Особое значение имеет тот факт, что Андрей подчеркнул исключительность своего государства и нововведениями в сфере религии. В то время, как центральные храмы Киева, Новгорода и многих других городов Киевской Руси посвящались Софии – Премудрости Божией, Андрей ввёл на Руси культ Покрова Богородицы, что было отмечено постройкой прекрасного храма Покрова Богородицы на Нерли. Смелость нововведений Андрея можно оценить, если учесть, что праздник Покрова Богородицы был установлен в Византии в память о чудесном заступничестве Матери Божией за Константинополь, который был тогда осаждён... войском киевских князей. И в дальнейшем в землях Андрея храмы посвящались преимущественно Богородице.

Замечу, что Андрей был женат не на княжне или принцессе, а на славянке, дочери боярина Кучки Улите, казнённого Юрием Долгоруким. Такой брак, по тогдашним меркам, считался явным мезальянсом.

Андрей Боголюбский, видимо, сознавал принципиальное отличие его великого княжества от других княжеств Киевской Руси, понимал, что оно представляет собой более высокий тип государственного устройства, отвечающий новым требованиям времени, и делал всё, чтобы подчеркнуть это обстоятельство.

И вот, по А. Синельникову, финал: *«Наконец, наступил долгожданный момент истины. В начале 1174 года противники и союзники пришли просить у Великого Князя защиты, суда и Правды. Предлагали провести во Владимире или Боголюбове общий съезд (собор). Андрей несколько месяцев молчал, наконец, отпраздновав Светлое Воскресение Господне, ответил: «Подождите немного, пошлю по братию свою на Русь».*

Но 28 июня 1174 года святой благоверный Великий Князь Киевский и Владимирский Андрей Георгиевич был убит заговорщиками в своем замке Боголюбове.

После короткого периода смуты на великокняжеский престол вступил его младший (сводный) брат Всеволод Георгиевич Большое Гнездо (прозванный так за многочисленность его потомства). Но наступала новая эпоха в истории Руси. К её границам приближалась Орда.

Всеволоду наследовал его сын Юрий Всеволодович. Он пытался противостоять ордынскому нашествию, но его войско было разбито, и сам князь погиб в битве. Владимирская Русь стала частью улуса Джучи империи чингизидов. Брату Юрия Ярославу Всеволодовичу пришлось получать ярлык на великое княжение у хана Батые. Ярослав настолько понравился Батыю, что они стали побратимами. Ярослав даже представлял интересы Батыя на Всемонгольском курултае в Каракоруме, где выбирали нового великого хана на место умершего.

Надо представить себе, что значило для русских князей съездить в Каракорум, на тысячи километров. Они не просто повидали многие страны, но и познакомились с достижениями великой восточной империи – дорогами со станциями смены лошадей, с ямской почтой и пр. Это чрезвычайно расширяло кругозор князей, давало им возможность ознакомиться со строем восточной демократии (выборность великого хана, участие женщин в выборах, единое законодательство, веротерпимость и т. д.) и, в конечном счёте, предопределило смену

ориентации с Киева на Каракорум. Евразийцы были правы, когда утверждали, что Московская Русь была созданием не только киевских князей, но и монгольских ханов.

Но наиболее выдающимся государственным деятелем становящегося Русского государства, умело использовавшим союз с Батыем (сыну которого Сартаку он стал побратимом), был сын Ярослава, великий князь Владимирский Александр, получивший название Невский за свою победу над шведскими интервентами на реке Неве. Как показал Дмитрий Зенин, знаменитое «Ледовое побоище» было вовсе не сражением русских с немецкими псами-рыцарями, а битвой Александра с русскими князьями – противниками единодержавия, которых поддерживали новгородцы и небольшое количество немецких рыцарей, изгнанных из своего ордена.

Русь Северо-Восточная – антипод Руси Южной

Владимирская (а позднее Московская) Русь не только не была преемницей, тем более клоном Киевской Руси, но и представляла собой полнейшее её отрицание.

Вообще Киевская Русь была европейским государством, изначально ориентированным на Запад (Византия в то время была недостижимым идеалом для европейских государств, то есть тоже как бы Западом).

В Северо-Восточной Руси складывается совершенно иной общественный и государственный строй, чем был в Киевской Руси, основанный на самодержавии, на правлении великого князя (впоследствии царя) без веча и дружины, что характерно для русского менталитета. Совершенно иными стали и её торгово-экономические и культурные связи с зарубежьем.

Складывавшемуся русскому народу не пришлось выбирать веру, терзаться сомнениями, посылать послов для ознакомления с разными вероисповеданиями. Они пришли на новые земли уже твёрдыми в православной вере. И всё же их православие имело новые черты. Андрей Боголюбский укрепил культ Богородицы и установил новый религиозный праздник Её Покрова, что, как уже отмечалось, стало открытым вызовом Киеву. С того времени в русском православии ещё более важное место занял именно культ Богородицы.

Жители Суздальской земли уже не называют свой край «Русью». Для них, как и «для *суздальского летописца «Русь» – Юг, Приднепровье, Киев. А он сам – житель земли Суздальской»* (Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С.163)

Окончательную точку в противостоянии Киева и Владимира поставило ордынское нашествие. В результате его Киевская Русь пала и более не возобновлялась. Сам Киев был разрушен до основания, и на протяжении десятилетий это место оставалось безлюдным. Опустошены были и другие срединные земли Киевской Руси. Западные её земли постигла иная участь. Князь Даниил Романович получил титул короля от римского папы, под покровительство которого отдал галицкие и волынские земли. Позднее Киев и большая часть Правобережной и частично Левобережной Украины, а также земли нынешней Белоруссии попали под власть Великого княжества Литовского, которое образовало унию с Польшей. Южные области подвергались систематическим набегам со стороны образовавшегося в XV веке Крымского ханства, и после каждого налёта длинные вереницы пленных украинцев тянулись на юг, чтобы пополнить невольничьи рынки в разных концах Европы и Азии. В XVI веке возникла Запорожская Сечь – центр украинского казачества, жившего не столько хозяйственной деятельностью, сколько военной добычей. Эта казацкая военная демократия вела почти непрерывные войны с Польшей, Крымским ханством, Турцией и Россией. В этой обстановке формировалась украинская нация. В землях литовских образовался белорусский народ (государственным языком Литовского государства был белорусский).

Но только младшему сыну Александра Невского Даниилу, которому достался в удел город Москва, пришлось сыграть роль основателя нового Великорусского государства. На протяжении нескольких столетий произошло «Собирание русских земель вокруг Москвы», что привело к образованию **империи Даниловичей**. В ней и выработалась у русских «служилая» система ценностей с обострённым чувством долга (в противовес западному акценту на чести), почитанием личных, а не родовых заслуг, подчинением частной и семейной жизни «общему делу» и т. д.; словом, тот комплекс, какой отличает патриота и защитника Родины от обывателя. Именно в империи Даниловичей сложился **тот тип государственности, который определил на века облик России и русского человека – Православное Самодержавие**. В правление Великого князя Московского **Василия II** утвердилась идея строя Православного Самодержавия – «*один народ, одно государство, одна вера*». «Выше этих высот и

шире этих широт русское национально-религиозное и религиозно-национальное самосознание по существу никогда не подымалось» (Карташов А.В. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956; М., 1991. С.32.) Столица мирового православия перешла из павшего Второго Рима в Москву, Василий II получил свыше посвящение в *«подлинного вселенского царя всего православия»*. А в правление **Ивана III** Европа увидела возникшую на своих восточных окраинах «огромную империю» московитов. В это время произошла смена вектора европейской политики России с северного (Германия, Франция) на южный (Италия), и этот поворот оказал большое влияние на развитие русской культуры. Идея «Москвы – Третьего Рима» становится основой официальной государственной идеологии. Заканчивается эта эпоха грандиозной утопией христианского государства **Ивана Грозного**. Учреждается опричнина как духовно-рыцарский орден. *Самодержавная революция* окончательно утверждает основной принцип русской государственности. **Православие было в тот период лишь иным выражением принципа идеократии, а самодержавие – формой проявления принципа нераздельности власти. И оба эти принципа и в дальнейшем соединялись в русском мессианизме: Россия должна быть мировым лидером, будь то страна с единственно правильной верой (как при Василии II) или с наиболее совершенным общественным устройством (как в СССР), и открыть путь в светлое будущее всему человечеству. Отсюда и стремление русских сбиться в тоталитарный монолит, и поиск сверхмиссии.**

А вечной оппозицией носителям этой идеологии – московским князьям-царям – было родовитое боярство, имевшее (и стремившееся навязать обществу) противоположные взгляды на смысл жизни человека и его достоинство, традиционные для европейцев (и для Киевской Руси). То есть оно в России было объективно прозападной партией. (Ныне преемником боярства выступает, по самоназванию, «креативный класс» – в основном творческая интеллигенция средней руки и офисный планктон.)

Торжество «боярской правды» в правление Бориса Годунова, расцвет спекуляции и коррупции привели к **Смуте**, после которой империя Даниловичей сменилась её отрицанием – империей Романовых. Романовы не были Рюриковичами, а всего лишь боярами. И с точки зрения князей, оказавшихся подданными царя, Романовы представляли собой выскочек, не имевших законного права на трон. (Это тонко уловил Пушкин, у которого в «Борисе Годунове» оппозиционеры толкуют между собой: *«Шуйские, Воротынские – природные князья»*.) Поэтому отношение первых Романовых на троне к князьям-Рюриковичам было двойственное. С одной стороны, они чувствовали свою чужеродность в среде этих «природных князей», ощущали нечто вроде зависти к ним и долго опасались заговоров с их стороны. С другой – им хотелось подчеркнуть, что они – продолжатели дела Рюрика и его потомства, властители созданного Рюриковичами государства. Почти все цари, а впоследствии императоры из династии Романовых стремились подражать западному образу жизни, «цивилизовать» Россию и втянуть её в Европу. А со времён Павла I русские императоры женились на немецких принцессах, что также как бы делало их причастными к делу германца Рюрика. Поэтому для Романовых было естественным торжественно отметить в 1862 году 1000-летие российской государственности. Как известно, политика Романовых на втягивание России в Европу кончилась грандиозным крахом.

Октябрьская революция 1917 года положила конец этой западнической России и открыла новую, советскую эпоху в истории нашей страны.

Советский период, по историческим меркам короткий (всего 74 года), оказал огромное влияние не только на жизнь народов нашей страны, но и на судьбы всего человечества. Уверен, что изучение его опыта, причин успехов и провалов будет служить основой для выработки путей развития России в ближайшие десятилетия. И этот опыт ещё послужит не только России, но и всему человечеству.

Мы живём в переходный период, когда советский строй рухнул, попытки построения капитализма в современной России окончились крахом, а форма правления, государственный строй и общественные отношения, которые придут на смену нынешним, ещё не ясны.

Так сколько же лет российской государственности?

И вот в этой обстановке полной неясности в отношении будущего России в стране торжественно отпраздновали 1150-летие российской государственности. Дескать, в 862 году новгородцы призвали варяжского князя Рюрика править их великой и обильной землёй, в которой, однако, нет «наряда», должного управления.

А когда Олег захватил Киев, возникла Киевская Русь, с порядками которой решительно порвал Андрей Боголюбский.

Значит, Россия торжественно отметила 1150-летие мирного захвата Новгорода отрядом варягов-разбойников, которые потом огнём и мечом распространили свою власть на всю тогдашнюю Русь и угнетали её народ? И в то же время она не намерена отпраздновать случившееся ровно триста лет спустя становление единой державы в зачатке Русского государства – в великом княжестве Владимирском, в котором были заложены основы именно русской государственности? Не покажется ли такой юбилей странным тем, кто хотя бы немного в ладах с историей? И не будет ли стыдно за него организаторам перед потомками?

Глава 4. Зарождение украинской нации

Это историческое событие произошло в XV веке. **Сердцевинной будущей украинской нации стало казачество.** Казак – это человек, добывающий своё пропитание оружием. Запорожская Сечь, эта единственная в своём роде казацкая республика, находясь между Россией, Польшей, Крымским ханством и Турцией, воевала то с одним, то с другим своим соседом и жила тем, что добывала во время набегов на соседей (регулярной хозяйственной деятельности она не вела).

До XVII века жители теперешней срединной Украины жили мечтой о независимости и восстановлении Великой Руси (то есть Киевщины), не обращая особого внимания на своего северного соседа, как не имеющего отношения к проблеме «вильной Украины». Москва же крепла и возвышалась, присоединяя земли в Сибири, много большие, чем Украина, а в южных степях слепые кобзари пели бесконечные думы о казацкой славе.

Не упускали казаки возможности пограбить не только бусурман, но и своего северного соседа, когда для этого представлялась возможность. Особенно буйствовали они на российской земле во время Смуты начала XVII века. Весьма популярный в XIX веке писатель Михаил Загоскин в своём романе «Юрий Милославский» так рисовал (и это был тогда, пожалуй, общерусский взгляд) «доброго», положительного казака:

«Кириша был удалой наездник, любил подраться, попить, побуянить; но и в самом пылу сражения щадил безоружного врага, не забавлялся, подобно своим товарищам, над пленными, то есть не резал им ни ушей, ни носов, а только, обобрав с ног до головы и оставив в одной рубашке, отпускал их на все четыре стороны. Правда, это случалось иногда зимою, в трескучие морозы; но зато и летом он поступал с ними с тем же самым милосердием и терпеливо сносил насмешки товарищей, которые называли его отцом Киришей и говорили, что он не запорожский казак, а баба. Вечно мстит за нанесённую обиду и никогда не забывает сделанного ему добра – вот правило, которому Кириша не изменял во всю жизнь свою».

На фоне такого доброго казака легко представить себе нравы его менее добрых товарищей. И если бы им сказали, что они убивают свих братьев, людей единого с ними русского народа, то они, в зависимости от темперамента, либо рассмеялись бы, либо рассвирепели от приравнивания хлипкого москаля к прирождённому воину – казаку.

Казак по самоощущению был сверхчеловеком, не будучи таким на деле. Русскому такое самоощущение было абсолютно чуждо, хотя, если бы какое-нибудь разумное существо из внеземной цивилизации изучало историю землян, оно пришло бы к убеждению, что русские – это действительно сверхлюди. Создать великое государство на пространстве, которое, по представлениям европейцев, вообще непригодно для жизни, – это чудо. Ещё большее чудо – за 10 лет превратить разорённую и неграмотную страну во вторую индустриальную державу мира, разгромить самую страшную в истории человечества нацистскую военную машину и снова стать единственной преградой на путях хищников-гегемонистов всех мастей – это, казалось бы, не в человеческих силах. Но люди, совершившие эти подвиги, скромно говорили о себе: «Да, мы – народ-победитель, но мы лишь выполнили то, чего ждала от нас Родина!»

Казакі Бульби і казакі Сагайдачного

Главным певцом казачества в русской литературе был Николай Гоголь. Доказательством русского патриотизма Гоголя принято считать повесть «Тарас Бульба» (по мнению Александра Привалова, самое устаревшее из произведений писателя). В ней, принятой с восторгом едва ли не всеми как произведение героическое и патриотическое, **Гоголь выразил свой идеал человека: это – запорожские казаки** (сам Гоголь писал: «козаки»). Повесть многократно экранизировалась на Западе, а недавно по ней был снят фильм и у нас, получивший немало как восторженных, так и отрицательных отзывов.

Горячий приём повести именно русскими основан на полнейшем недоразумении. Да, сердцевиной будущей украинской нации стало казачество, но сердцевиной духовной, а не этнической. Ведь казачество – это сборище лиц разных этносов. В Запорожской Сечи встречались не только малороссы, но и великороссы, и поляки, и татары-разбойники, и армяне, и лица совсем уж экзотических для этих мест этносов – венгры, потомки «чёрных клобуков» и даже турки. Часто это были разорённые беглецы, преступники, авантюристы. Значительная часть сечевиков в этническом отношении не имела ничего общего с малороссами, тогда преимущественно крестьянами.

Итак, кто же такой казак в первоначальном значении этого слова? Слово «казах» «означает в тюркских языках вольного наездника...» (Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 149). Конкретнее, это – человек (чаще конный), добывающий своё пропитание оружием. О том, как казак даже в XIX веке относился к людям других этносов, в том числе и к русским, можно прочесть в повести Льва Толстого, которая так и называется «Казак». А ведь в ней речь шла уже о совсем других казаках, служивых людях. Но Запорожская Сечь была принципиально антигосударственным образованием. Эта единственная в своём роде казацкая республика, находясь между Россией, Польшей, Крымским ханством и Турцией, воевала то с одним, то с другим своим соседом и жила тем, что добывала во время набегов на соседей (регулярной хозяйственной деятельности она не вела и в принципе не могла вести).

Вот как сам Гоголь описывал возникновение казачеств и обусловленный этим характер казаков:

«Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарницах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объявился древле-мирный славянский дух, и завелось казачество – широкая, разгульная замашка русской природы... Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от сих неукротимых стремлений, грозивших её опрокинуть... Кончился поход, – воин уходил в луга и пашины, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный казак... Не было ремесла, которого бы не знал казак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороха, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять на пропалую, пить и бражничать, как только может один русский, – всё это было ему по плечу». А кроме реестровых казаков, «считав-

ших обязанностью являться во время войны», можно было набрать добровольцев, кликнув по рынкам и площадям сёл клич: *«Ступайте славы и чести рыцарской добиваться!.. Пора доставать казацкой славы!»* (Выделено мной. – М.А.)

Ещё один важный штрих к характеристике Тараса Бульбы: *«Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь казаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия»* Его «враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае поднять оружие во славу христианства». Он желал посмотреть на первые подвиги своих сыновей *«в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря»*. Сам он говорил о *«чести лыцарской»*.

И вот общая картина Сечи:

«Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны... всё прочее время отдавалось гульбе – признаку широкого разлёта душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиршество...»

Но пиршествовать можно было только до тех пор, пока были деньги. Значит, за пиршеством должен был наступать военный поход за добычей. И те, кто возвращались из похода живыми, могли снова пировать. А на место тех, кто погиб, из похода не вернулся, приходили новые любители такой разгульной, жизни не обременённой производительным трудом и житейскими заботами. Казачество было особым образом жизни, совершенно не схожим с оседлым хлеборобским бытием малороссов. Вот таким был «жизненный цикл» казачества: пир, грабёж, снова пир и т. д. Редко кто из сечевиков доживал до старости. Но, как отмечал один критик, *«как это ни парадоксально в контексте грабительско-паразитического образа жизни, однако до официального присоединения к России, которому оно способствовало как никто, казачество не только считало себя, но и действительно являлось... мужественнейшими защитниками православной веры и культуры на Украине. Особенно во время польского владычества... А что уж говорить о об отношении к крымскому ханству и туркам! Походы против них считались делом в прямом смысле святым»*.

Казак, столь романтично представленный Гоголем, а уж тем более – реальный, как идеал русским совсем не подходил. Гоголь, живописуя это сообщество анархистов, сам замечает, что оно умело *«только гулять да палить из ружей»*. Для казаков *«всё равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы»*. Если же её нет, можно отвести душу в ссоре и драке куреней с куренями. В общем, казаки вели себя совершенно так же, как и западноевропейские благородные рыцари, искавшие себе чести и славы, или как викинги (варяги), промышленявшие разбоем и предававшиеся потом гульбе. И Гоголь воспел *«то поэтическое время, когда всё добывалось саблею»*. Кинорежиссёр Владимир Бортко, поставивший фильм «Тарас Бульба», видел аналогию казака в японском самурае:

«Важно понять психологию казаков того времени. Для них не было другого смысла жизни, кроме войны с врагом... «путь воина – это путь к смерти» – закон самураев. И у казаков та же философия. Мечта любого из них – прославиться, умереть героем, чтобы потом о нём бандуристы пели на весь мир. Тогда царило абсолютно другое мышление, непонятное в наше гуманистическое время». Это не была война за Родину, как Великая Отечественная война: «Нет, Великая Отечественная война предполагала защиту Родины, а потом мирную жизнь. А казаки, пока могли сидеть в седле, воевали. Вы пытаетесь найти

в этом рациональное зерно, а оно в другом. Это не рационализм нашего современника, для которого мир лучше войны, а жизнь дома с женой лучше военных лишений. Тарас говорит сыну: «Не слухай жинку, бо вона баба». И это не шутка, а жизненная позиция. Ты самурай! И с ляхами та же история. Польский пан, который пропил всё имение, деньги, челядь, перед сражением одалживал злотые. Почему? А потому, что если его убьют, то противник возьмёт деньги как законную добычу. Чтобы потом не считал, что бился с холопом, быдлом» («Комсомольская правда», 26.03.2009).

За какую Русь и за какую веру боролись и умирали казаки

Казаки, как принято считать и как были уверены сами, защищали православную веру и готовы были умереть за неё, но их «символ веры» был прост: «Веровать во Христа и в Святую Троицу, ходить в церковь».

Вот как сам Гоголь описывал порядок приёма новичков в Сечь:

«Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» «Верую!» отвечал приходивший. «И в Троицу Святую веруешь?» «Верую!» «И в церковь ходишь?» «Хожу!» «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо», отвечал кошевой: «ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим заканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать её до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании».

Вот и всё, остальное нужно было доказывать в боях. Можно ли ожидать иного от этих вечных воинов, если и православие украинцев вообще, например, священник и богослов Георгий Флоровский считал в значительной мере «окатоличенным». Во времена моего детства мальчишки нашего двора часто играли в «казаков-разбойников». Видно, название этой игры укоренилось не случайно. Видеть в «казаках-разбойниках» из повести Гоголя, когда они разделились на два отряда, чтобы и не оставлять осады вражеского польского города, и вызволить «однополчан», попавших в плен к иноземцам, исполнителей евангельской заповеди *«положить душу своя за друзей своих»*, можно только при пылком воображении.

Интересно, что Тарас, выражая общую волю казаков, призывал выпить за то, *«чтобы по всему свету разошлась и была бы одна святая православная вера, «и все, сколько ни есть бусурманов, все бы сделались христианами!»* Вот такие были они крестоносцы или суперэкуменисты на основе их «казацкого православия»! Предчувствуя скорую свою гибель, казаки думали о том, что не пропадёт казацкая слава, будет петь о них старик-бандурист, «и пойдёт дыбом по всему свету о них слава, и всё, что ни народится потом, заговорит о них».

(Замечу, что в Интернете есть материалы на тему «Казаки и христианская мораль», которые опровергают попытки «современной христианской пропаганды» объявить казачество «оплотом Христовой веры», и стремятся выявить подлинное отношение казачества к Церкви на протяжении многих веков. Хотя речь там идёт не о запорожских казаках, а о подвижниках Степана Разина, но подтверждается общеизвестное: «казаки не отличались набожностью...». Описывается противостояние духовенства восставшим, и казни священнослужителей, и разграбление храмов. Вера казачества характеризуется как сплав верование язычников-славян и православного христианства, с упором на волю, равенство и справедливость.)

«Бульбу» «проходят» в школе, поэтому повесть издаётся в усечённом виде, и редко кто перечитывал её полный текст, будучи уже взрослым. Щадят издатели чувства читателей, опускают сцены чудовищной жестокости, проявляемой казаками.

Порой казаки устраивали погромы, швыряя еврейских торговцев в волны Днепра. А как расправлялись они с поляками (так сказать, на взаимной основе)! Сжигали деревни, угоняли или убивали скот, отрезали груди у женщин, кидали в пламя матерей вместе с младенцами. Не случайно, – говорит кинорежиссёр Фёдор Бондарчук, – при попытках экранизации повести всякий раз *«смягчают» жёсткий гоголевский сюжет, экранизировать повесть «в чистом виде» никто не решается, и серьёзное её кинопрочтение ещё впереди.*

Жестокость в людях часто соединяется с сентиментальностью, которой окрашены, например, многие казацкие песни.

Но повесть написана так, что завораживает. Вряд ли был в России, на Украине и в Белоруссии хоть один юноша, который, читая «Тараса Бульбу», не переживал бы за таких казаков, как Кукубенко:

«Казаки, казаки! Не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нём одежда. Сам Тарас, видя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели казаки: уже успело ему углубиться под сердце копьё прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его казакам. Ихлынула ручьём молодая кровь, подобно дорожному вину, которое несли в склянном сосуде из погребца неосторожные слуги, подскользнулись тут же у входа и разбили дорожную сулею: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведёт Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повёл Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть на глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут ещё лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. Подняли её ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. «Садись, Кукубенко, одесную меня!» скажет ему Христос: «ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал Мою Церковь» ...

Ещё одна любопытная деталь: об одном из главных персонажей своей повести «Нос» Гоголь говорит: «Иван Яковлевич, как всякий порядочный русский мастеровой, был пьяница страшный». И его супруга ругает его, повторяя: «пьяница!» А между тем казаки дуют горилку (не водку, а почти чистый спирт!) чуть ли не ведрами, но это нисколько не омрачает их благородный облик рыцарей. «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». Ни в одном произведении Гоголя нет ни единого светлого образа русского человека, тогда как казаки предстают образцами благородства (в казацком же понимании).

Читателей подкупало то, что казаки погибали в боях со словами: «Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!». Вот и Тарас, сжигаемый врагами на костре, кричит: «... подымется из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!...»

Только не знали читатели, что в XV–XVI веках Русью в тех местах называли Киев и его окрестности, бывшие южнорусские княжества. Владимир Мавродин говорил «о наименовании Русью, Русской землёй только области среднего Приднепровья... города Киев, Чернигов и Переяславль (Русский, Южный», в отличие от Переяславля-Залесского» (Цит. соч., с. 163). Жителей же Московского государства западноевропейцы называли москвитями, а казаки – москалями. И, конечно же, говоря о русских, о русской земле и её царе, Бульба вовсе не имел в виду москвичей или вологжан. И сам исполнитель роли Тараса Бульбы в фильме Бортко Богдан Ступка играл героя Украины. Многие украинские интеллектуалы считают: «Для нас Украина и Русь – тождественные понятия.... Пётр I в начале XVIII века заменил «Государство Московское» на «Государство Российское». Это мы изначально были Русью, русичами, и жили на русской земле... При жизни Гоголя в нём видели только хитроватого хохла. Это потом он стал классиком русской литературы» («Комсомольская правда», 31.03.2009).

Описание Сечи у Гоголя слишком романтическое. Но есть и более трезвые исследования этого феномена. (Наверное, самое свежее из них – вышедшая в 2008 году в издательстве «Алгоритм» книга Александра Андреева, Максима Андреева и Антона Мастерова «Запорожская Сечь».) Сечь была передвижной (менявшей местоположение в зависимости от складывающейся обстановки) столицей некоей орды. Эта орда не была ни государством, ни рыцарским орденом, а сообществом любителей лёгкой, но и опасной жизни воинов-грабителей.

При относительном демократизме среди казаков было имущественное неравенство. Например, кошевой атаман Сирко имел табун лошадей в 15 000 голов. Уже были выработаны формы неявного угнетения рядовых казаков верхушкой казачества. Многие авторы рисуют непривлекательный духовный облик казаков. Клятвопреступление, двоедушие, изворотливость, ложь, бегство с поля боя, дезертирство, стяжательство, жадность, поиски виновных среди безвинных, доносы и оговоры не были редкостью. И тут нечему удивляться: рядом жили, ели из одного котла часто люди, ещё вчера не знавшие друг друга, и неизвестно, останется ли вчерашний пришелец в Сечи или завтра уедет искать другое место для житья и поиска наживы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.